

Эльхонен Сакс

Мои предки как со стороны отца, так и со стороны матери жили в Польше. Именно оттуда во второй половине 19-го века переселились в Эстляндскую губернию семья моего деда Иехуды и семья моего деда Вульфа. Сделали они это нелегально, так как Эстляндская губерния была вне «черты оседлости». [«Черта оседлости» - часть территории Российской империи, за пределами которой евреям проживать было запрещено.] Обе семьи носили фамилию Sachs, хотя в родстве не состояли, то-есть были однофамильцами, позднее в 30-ые года 20-го века фамилию стали писать Saks, что соответствовало нормам эстонского правописания.

Родители моего отца Иехуда и Ривке Сакс поселились в небольшом городке Валга на юге Эстляндской губернии. Дед Иехуда был очень религиозным. Он не окончил иешиву [иешива - религиозное еврейское училище], но хорошо знал и очень строго соблюдал все еврейские законы и традиции. Он был мелким торговцем. Ездил по деревням на лошади с телегой и продавал крестьянам разные товары. Семья не была бедной, но и богатой не была. На своей телеге дед ездил не только по Эстляндской губернии, но и по России. И даже в 80-х годах 19-го века через Турцию попал в Палестину. Но вскоре оттуда вернулся. Он решил, что в Палестину переселиться с семьей очень трудно и остался жить в эстонском городке Валга. Здесь родились и выросли дети - четыре сына и дочь. Родной язык в семье был идиш. Бабушка Ривке умерла, когда мне было всего 2 года, и я ее совсем не помню. После ее смерти дедушка несколько лет жил в нашей семье, а в 1935 году переехал в г. Таллинн, где жили тогда его дочь и один из сыновей. Умер он 1943 году в эвакуации в г. Самарканде.

Иехуда Сакс был очень заботливым отцом и старался дать своим детям хоть какое-то образование. Он послал своего старшего сына Хайм-Лейба в Польшу в г. Вильно (теперь Вильнюс) в иешиву. После ее окончания еще до Первой мировой войны

Хайм-Лейба направили в Россию, где он стал раввином в небольшом г. Можайске недалеко от Москвы. Хайм-Лейб был очень начитанный, широко образованный человек. Он читал труды философов. С ним можно было говорить о марксизме. По вопросам иудаизма дядя Хайм-Лейб вел переписку с раввинами из Израиля. За это его в 1935 году уже в Советском Союзе обвинили в сионизме и арестовали. В советских лагерях дядя провел 3 года, но остался жив и в 1938 году вернулся в Можайск. Там он жил со своей семьей до 1941 года. Конечно, он уже не мог быть раввином и перебивался случайными заработками. О дальнейшей судьбе этого моего дяди я расскажу позже.

Дедушка Иехуда очень гордился тем, что его сын стал раввином. А вот другой его сын, Моисей (Моише) принес

ему много огорчений.

Дядя Моисей окончил русскую среднюю школу в г. Валга, изучил ювелирное дело и

работал в Валге у какого-то ювелира. Когда Эстония стала независимой республикой (1918 год), он переехал в Таллинн и работал там в большой ювелирной мастерской. Дядя Моисей был хорошо материально обеспечен, но, почему-то с детства был идейным социалистом. Он был одним из активистов-идишистов, которые вели среди эстонских евреев пропаганду против сионизма и переезда евреев в Израиль. Они считали, что евреям будет хорошо в любом государстве, если там будет создана культурная автономия, [в Эстонии Еврейская Культурная Автономия была провозглашена в 1926 году]. Дядя Моисей был твердо убежден в правоте идей марксизма-ленинизма. Он был одним из основателей и руководителей левой организации «Licht» в Эстонии. Члены этой организации проповедовали идеологию коммунизма, распространяли среди евреев марксистскую литературу. Я сам видел у дяди Моисея в 1937 году историю ВКП(б) на идиш. [ВКП(б) - Всесоюзная Коммунистическая Партия большевиков]. В 1940 году дядя Моисей приветствовал приход советской власти в Эстонию, был рад, что мы начинаем новую жизнь. Он считал, что у богатых отбирать имущество справедливо. Он хотел даже все ценности, которые имела его семья передать новой власти. Правда, жена не разделяла его взглядов и кое-что припрятала. Дядя Моисей получил хорошую должность - его назначили директором большого национализированного ювелирного магазина. Кстати, он абсолютно не был религиозным, никогда не посещал синагогу, что очень огорчало его отца. В том же 1940 году дядя Моисей поехал в Москву и в Можайск в гости к своему брату. Советская действительность и рассказы вернувшегося из лагеря брата его страшно поразили. Когда он вернулся, нам показалось что он онемел. О марксистской идеологии он больше не вспоминал. Когда немцы напали на Советский союз, дядя Моисей с женой и 12-летней дочкой эвакуировались раньше нас. Мы надеялись, что он устроится где-то в России и потом поможет нам. Они поехали сначала в Москву, затем в Алма-Ату, потом в Караганду и нигде не смогли устроиться. И чем дольше он там был тем больше разочаровывался в своих идеях. В конце 1941 года дядя Моисей покончил с собой. В предсмертном письме жене он написал, что ошибся в своей жизненной теории, что он не сможет создать своей семье достойную жизнь. Его дочь Лия сейчас живет в Санкт-Петербурге, по профессии она врач.

Самого младшего из братьев моего отца звали Иосиф. Это был довольно активный молодой человек. В 20-х годах после окончания начальной школы он несколько лет проработал в г. Тарту в каком-то магазине. Потом решил посмотреть мир и поехал в 1925 году в Америку. Там он прожил 8 лет, работая простым рабочим. За это время дядя Иосиф сумел накопить десять тысяч долларов. Деньги лежали на его счету в банке, но во время кризиса в США банк лопнул, и дядя Иосиф вернулся домой таким же бедным, каким и уехал. У него остались на память несколько монет с портретом американского президента. Судьба дяди Иосифа оказалась очень трагичной. После смерти дяди Моисея Иосиф поехал в Караганду узнать, что же все-таки произошло. При этом он считал, что в Советском Союзе можно говорить все, что думаешь. Как в Америке. И он слишком много в Караганде говорил. За это его там арестовали. При обыске у него нашли американские золотые монеты и объявили американским шпионом. Его осудили на 5 лет. После войны мы уже ждали его возвращения, когда нам сообщили, что он умер в лагере. Что там произошло на самом деле, мы до сих пор не знаем. Последним ребенком в семье деда Иехуды была дочь Ханна 1902 года рождения.

Иосиф, Моисей, Хана, Давид

Она получила хорошее образование: окончила русскую гимназию, а уже в Эстонской республике окончила медицинский факультет университета г. Тарту. Она вышла замуж за Хайма Ринга, тоже выпускника Тартуского университета. Всю дальнейшую жизнь, кроме военных лет, их семья прожила в Таллинне, где Ханна Ринг работала врачом. Они вырастили двух дочерей, которые и сейчас живут в Таллинне: Руть по профессии врач, Ната - инженер. Умерла тетя Ханна в 1980 году.

Родителей моей мамы я совсем не помню. Они умерли, когда я был совсем маленький. Знаю, что семья моего деда со стороны матери, приехав из Польши, обосновалась на севере Эстонии в городе Раквере (тогда он назывался Везенберг). Там уже жили несколько еврейских семей. Деда звали Вульф Сакс. Когда-то, еще в Польше, он учился в иешиве, был очень религиозен, и, евреи Раквере выбрали его раввином. В семье говорили на идиш, детей воспитывали в духе иудаизма. Кроме моей мамы в семье было еще два сына и две дочери. Оба сына в 20-х годах уехали в США. Один из них (я не помню его имени) через несколько лет разбогател, какое-то время он присылал дедушке деньги, потом почему-то принял христианство. После этого дедушка прекратил с ним какой-либо контакт и больше никогда о нем не вспоминал. Второй сын, будучи в Америке, заболел и рано умер.

Маминих сестер звали Блуме и Бася. Блуме замуж не выходила. Она изучила фармацевтическое дело и работала до войны в аптеке в г. Нарва. Бася была по профессии белошвейка. В 1926 году она вышла замуж за довольно богатого латвийского еврея Вольфа Менцовского. Был он вдовцом, имел двоих детей - дочь Любу и сына Сергея. Семья жила сначала в Миттаве, затем в Риге. После смерти мужа в 1937 году Бася вернулась в Эстонию и жила вместе с сестрой Блуме в Нарве. В начале войны они обе эвакуировались вместе с нашей семьей в Россию. После войны сестры жили и умерли в Таллинне. Дети Менцовского Люба и Сергей всегда поддерживали с Басей добрые и хорошие отношения.

Мой отец, Давид Сакс, родился в 1891 году и был вторым ребенком в семье. Он не получил хорошего образования, кончил только начальную школу. Потом он служил в русской царской армии, участвовал в Первой мировой войне, на австрийском фронте попал в плен. Отец рассказывал, что в плену в Австрии ему жилось совсем неплохо. Он говорил на 5 языках: эстонском, латышском, русском, идиш, немецком. Австрийцы использовали его в лагерьной канцелярии в качестве переводчика, так что ему не пришлось выполнять там тяжелую работу. У него даже была возможность иногда посещать Вену. Там отец познакомился с австрийскими евреями, бывал у них в гостях. Отец говорил, что мог бы там даже жениться и остаться жить в Австрии. Но он все-таки вернулся домой в Эстонию. Было это в 1920 году. Вскоре он познакомился со своей будущей женой Хаей-Ханной Сакс. По-моему, это произошло в городе Тарту на какой-то встрече еврейской молодежи.

Вообще, отец был очень общительным человеком, умел с разными людьми находить общий язык. Мои родители поженились в 1921 году. Мама получила небольшое приданное, и они открыли в городе Валга маленький семейный магазин. Работали там вдвоем, торговали какой-то мелочью: галантерея, белье. Мама красиво вышивала скатерти, салфетки, полотенца. Это тоже продавали в своем магазине. Семья жила очень скромно. Арендовали небольшую квартиру в старом доме. Квартира состояла из 4 комнат: одна была большая, остальные совсем маленькие. Отопление было печное, водопровод и электричество в дом провели лет через 10. В конце 1921 года родилась моя сестра Ите. Мама часто болела, поэтому ей помогала по хозяйству немолодая латышка Зельма. Это была малограмотная, но очень добрая и хорошая женщина. Я родился в 1927 году. Мое появление на свет, я

думаю, оказалось причиной смерти моей матери. Она умерла, когда мне было всего 7 дней. Сестра мне рассказывала, что при маме в доме соблюдались все еврейские традиции. Она старалась, чтобы еда была кошерная, чтобы соблюдали шабат, отмечали все еврейские праздники. После ее смерти все домашние дела легли на плечи Зельмы. Я в детстве считал, что Зельма моя мама, потому что она за мной ухаживала. Первый язык, на котором я заговорил, был латышский. Зельма старалась содержать дом таким, каким он был при маме, но, конечно, уже настоящей еврейской жизни у нас не было. Наш папа был умеренно религиозен. Он не всегда соблюдал шабат, правда, по праздникам обязательно ходил в синагогу. Продукты мы покупали на рынке и в обычных магазинах, то-есть они не были кашерными. Правда, свинину мы никогда не ели, для приготовления мясных и молочных блюд у нас была отдельная посуда. Поскольку еду у нас готовила Зельма, дедушка Йехуда никогда с нами за стол не садился. Он считал, что еда, приготовленная женщиной-христианкой, не может быть кошерной. Поэтому, когда дедушка жил у нас, он покупал для себя кашерные продукты и сам готовил себе еду. Вскоре после смерти

мамы отец ликвидировал свой магазин, который приносил очень маленький доход, и решил стать фабрикантом. Вместе с одним своим другом он создал небольшую фабрику по производству мыла. Кроме них, там работали двое рабочих. Отец сам привозил сырье, сам продавал это мыло, работал очень много, но все равно через два года это дело провалилось. Отец разорился, у него остались большие долги, он даже был не в состоянии платить налоги. Мы со страхом ждали, что к

нам придет судебный пристав и все наше имущество продадут на аукционе. Отец долго не мог найти работу. Какой-то время он работал у богатого еврея, который торговал лесом. Отец надолго уезжал в лес где он выделял крестьянам участки леса для рубки. В 1936 году ему удалось получить хорошую работу в Таллинне. Вдова богатого таллиннского фабриканта Беспрозвани пригласила отца работать агентом по продаже на свою трикотажную фабрику. С тех пор отец жил в Таллинне, получал хорошую зарплату, несколько раз в месяц навещал нас в Валге. В то время в Таллинне возникло много разных еврейских организаций: культурных, спортивных, профессиональных. Отец принимал активное участие в их деятельности. Кроме того, он часто ездил в Тарту на различные еврейские мероприятия, так как университетский Тарту был до войны центром еврейской культуры в Эстонии. В 1939 году мы с отцом провели лето в небольшом очень красивом дачном городке Эльва. Он находится недалеко от Тарту. До войны это было любимое место отдыха тартуских евреев. Отец там встретил много своих знакомых. А мне запомнился один смешной эпизод. Местные шутники как-то ночью сняли с вокзала вывеску «Эльва» и заменили ее вывеской «Иерусалим», подчеркнув тем самым большое количество евреев среди отдыхающих. Не помню, чтобы кто-то из наших знакомых расценил эту шутку как обиду или оскорбление.

Мы с сестрой Ите рано стали самостоятельными, потому что с 1936 года по 1941 год жили в Валге одни. Конечно, с нами была Зельма, которая вела наше хозяйство, а для меня была в детстве и няней и мамой. К этому времени у нас в Валге уже не было родственников, но было много хороших близких знакомых, друзей моих родителей. Это были еврейские семьи, у которых я часто бывал дома, дружил с их детьми. Хорошо помню семью Сломка, особенно, тетю Цилю. Она работала зубным врачом.

Ко мне она относилась очень хорошо, заботилась обо мне как о родном сыне. В их семье мы проводили праздник Пессах, они нас всегда приглашали. Там строго соблюдались все еврейские традиции, мне это очень нравилось. Я в детстве считал Пессах самым лучшим праздником. В семьях наших друзей говорили на идиш, и я его выучил, общаясь с еврейскими детьми и их родителями. И с тех пор я везде пишу, что мой родной язык - идиш, хотя хорошо владею еще несколькими языками. Я так считаю, потому что идиш язык моего детства.

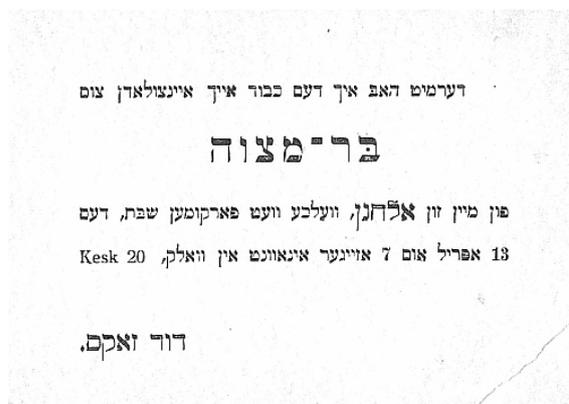
Наш город Валга был многонациональным городом. Основное население составляли эстонцы, но было много латышей, были русские, евреи, немцы. Почти все говорили на нескольких языках, общались между собой. У меня были друзья среди эстонцев и среди латышей. Я не помню проявления какой-либо национальной вражды.

В 1934 году я поступил в школу. Это была Валгаская шестиклассная начальная еврейская школа. Кроме нашей школы в Эстонской республике была еврейская гимназия в Таллинне и еврейская средняя школа в Тарту. Программа в нашей школе была такая же как в других государственных школах, но преподавание велось на идиш. Кроме того, мы интенсивно с первого класса учили иврит и Тору. Также учили

эстонский язык. Школу содержало государство, а еврейская община помогала школе арендовать спортивный зал и поддерживала материально детей из бедных семей. Кроме того, школа подчинялась Правлению Еврейской Культурной Автономии. Своего здания у школы не было, поэтому для нее арендовали сначала дом, а потом только полдома. Помню, что фамилия нашего директора была Бахмат, а председателем родительского комитета был очень уважаемый в городе человек доктор Поляковский. В школе всегда весело проходили еврейские праздники, особенно Ханука и Пурим. Мы готовили спектакли, шили костюмы. А на Песах у нас были каникулы, этот праздник все встречали дома. Когда я поступил в школу там училось около 60 учеников, а через четыре года их осталось 25. В 1938 году нашу школу закрыли. Причина была в том, что, став независимыми государствами, Эстония и Латвия разделили наш пограничный город пополам. В маленьком городе сразу возникли проблемы с работой, с торговлей. Постепенно еврейская молодежь стала уезжать учиться и работать в Таллинн, Тарту, Ригу. Несмотря на это, в 20-х - 30-х годах 20-го века еврейская община города Валга жила довольно активной жизнью. Все население города составляло 10000 человек, из них

500-600 были евреи. У нас не было какого-то еврейского квартала или еврейской улицы. Евреи жили разбросанно по всему городу. Некоторые семьи имели собственные дома, а большая часть арендовала квартиры. По внешнему виду евреи в Валге не отличались от других жителей, но образ жизни был несколько иной. У нас была синагога, был свой раввин. Помещение синагоги община арендовала. В еврейские праздники в синагогу приходили больше 100 человек. Мы с отцом тоже в праздники всегда ходили в синагогу. Я хорошо помню день, когда у меня была «Бар-

мицва» [«Бар-мицва» - религиозное совершеннолетие для мальчиков, которое наступает в 13 лет]. Два месяца наш валгаский раввин Кац обучал меня, как я должен читать Тору. Мне это было очень интересно. 13 апреля 1940 года в синагогу пришли наши родственники и знакомые, всего человек 25. Читал я хорошо и был очень горд, что мое первое восхождение к Торе прошло успешно. Потом праздник продолжался у нас дома. Во время еврейских праздников и в Шаббат еврейские магазины и мастерские у нас в

городе были закрыты. Был у нас и свой шойхет [шойхет - специалист по кашерному убою птицы и скота] и, при желании, можно было иметь катерные продукты. Было в Валге еврейское кладбище. Там похоронены мои мама и бабушка.

По роду занятий евреи в Валга были: ремесленниками, торговцами (был большой магазин Раухмана, много маленьких магазинов), служащими, врачами (семья врачей Поляковских). У нас действовали также несколько общественных еврейских организаций. Активно действовал спортивный клуб «Маккаби», где занималось много молодежи. Женщины объединились в организацию «Вицо». Был еще просто еврейский клуб, где проводились праздничные вечера, работал любительский театр, ставили спектакли. Были две молодежные организации: «Хашомер Хацаир» и «Бейтар». В это время (начало 30-х годов) началась эмиграция эстонских евреев в Палестину. И многие евреи хотели, чтобы их дети были подготовлены к такой эмиграции. Но у этих двух молодежных организаций (как и у самих евреев) было разное представление о будущем еврейском государстве. Руководители «Хашомер Хацаир» были левой ориентации. Они считали, что Израиль должен быть социалистической страной. Молодежь, входящая в «Хашомер Хацаир», была готова ехать в Палестину и строить свою страну с лопатой в руках. А руководители «Бейтар» считали, что будущий Израиль должен быть нормальной европейской капиталистической страной. И, чтобы такое государство возникло, надо туда ехать с винтовкой в руках. Я входил в «Хашомер Хацаир». Мы носили зеленые рубашки, ходили в походы, нас учили работать. Когда нашу школу закрыли и я пошел в эстонскую школу, я перестал посещать «Хашомер Хацаир».

А моя сестра Ите несколько месяцев участвовала в движении «Бейтар». Ите никогда не училась в еврейской школе. Дело в том, что эстонские евреи всегда спорили о том, какой язык важнее - иврит или идиш. Отец считал, что важнее и нужнее идиш. А в нашей школе на первое место ставили иврит. И отец отдал Ите в эстонскую школу. Поэтому она была как-то в стороне от еврейских проблем. А в «Бейтар» она пошла в 1939 году, потому что ей кто-то там понравился. Она вспоминала потом, что «бейтаровцы» готовы были ехать в Палестину воевать с арабами. Но началась Вторая мировая война и все изменилось.

Три года перед войной я проучился в эстонской школе (два года при буржуазной власти и один при советской). Я хорошо знал эстонский язык, поэтому никаких проблем у меня не возникало. Первые два года на еврейские праздники нам,

еврейским детям, разрешали не посещать школу. Помню, как я после праздника Рош-ха-Шана [Рош-ха-Шана - еврейский новый год] пришел в школу, наша классная руководительница перед всем классом поздравила меня с Новым годом. Правда, был один случай когда мой одноклассник за что-то обозвал меня «Kuradi juut».

Дословный перевод - «чертов еврей», но по эстонски звучит оскорбительно. Я не успел отреагировать, как мой друг эстонец бросился на обидчика и дал ему в морду. В июне 1940 года в Эстонии установилась советская власть. Уже через месяц была ликвидирована Еврейская Культурная автономия, а потом были закрыты все еврейские организации. И все-таки были евреи, которые с радостью встретили приход советской власти. Среди них была моя старшая сестра Ите. На нее очень большое влияние оказал наш дядя Моисей, его коммунистическая идеология. В 1940 году Ите училась в последнем классе средней школы. Она сразу вступила в комсомол [комсомол - коммунистический союз молодежи], ее выбрали секретарем комсомольской организации школы, членом городского комитета комсомола, то-есть она очень активно участвовала в становлении советской власти в г. Валга.

Когда в июне 1941 года Германия напала на Советский Союз, немецкая армия продвигалась очень быстро и уже через месяц подошла к южной границе Эстонии. Ите эвакуировалась в Россию вместе с партийными и комсомольскими работниками Эстонии. Отец был в Таллинне. Мне было 14 лет, я остался в Валге один, и не знал, что мне делать. Моя старая няня Зельма хотела, чтобы я остался с ней, она обещала меня спрятать при необходимости. Меня спасла Циля Сломка. Она, никого не спрашивая, отвела меня на вокзал и посадила на поезд, идущий в Таллинн. А из Таллинна мы с отцом и всеми другими родственниками эвакуировались в Россию. А фронт на недолгое время остановился по реке Эмайыги и северная Эстония еще месяц оставалась неоккупированной немцами. Из южной Эстонии некоторые евреи не успели уехать, а из северной все, кто хотел, уехали. Остались старые и больные, которые не могли уехать, и те, кто не верил рассказам о зверствах фашистов, считая это советской пропагандой. Конечно, они все погибли.

Поезд, на котором мы с отцом, дедушка Иехуда, мои дяди и тети с семьями выехали из Таллинна был направлен в город Ульяновск. Но на станции Канаш в Чувашии всех эвакуированных сняли с поезда и развезли по чувашским деревням. Там нас поселили в крестьянских избах по несколько семей в одной комнате. С нами в комнате жили мамы сестры Блума и Бася и еще какая-то семья. Работы там не было. Чтобы прожить, мы продавали свои вещи, одежду. Мы скоро поняли, что долго так жить не сможем. И тогда дядя Иосиф, брат моего отца, собрал группу из наших эвакуированных евреев, человек 30, и мы поехали обратно на станцию Канаш. Там мы дали взятку начальнику станции, он посадил всех нас в товарный вагон, подцепил к какому-то поезду и спросил нас, куда мы хотим ехать. Почему-то мы решили ехать в Алма-Ату. Начальник станции написал на вагоне «Алма-Ата». И мы поехали. Почти месяц нас возили по сибирским дорогам пока мы попали в Алма-Ату. Город был заполнен беженцами, и, мы поехали дальше. Наконец, мы оказались в северном Казахстане в небольшом городке Турмаши. Мы прожили там почти год. Я пошел в русскую школу, окончил там 8-ой класс. За этот год я выучил русский язык. Живя в городе Турмаши, мы наводили справки о наших родных. Мы с отцом узнали, что моя сестра Ите живет под Москвой в г. Егорьевске. Там во время войны находились партийные, комсомольские и хозяйственные руководители советской Эстонии. Ите работала журналисткой при Центральном Комитете комсомола Эстонии. Еще мы узнали, что старший брат отца Хайм-Лейб, который эвакуировался из Можайска, живет в Самарканде со своими детьми. У дяди было 4 сына и две дочери. Его жена умерла до войны. Старший сын Иосиф в 1927 году, будучи студентом, женился на русской девушке, отошел от еврейства, ушел из семьи отца. Второй сын Мотл был призван в армию, стал танкистом и погиб на фронте. Самого младшего сына война застала в Белоруссии в гостях у родственников, и его убили

фашисты. С отцом остался четвертый сын Элье и дочери Фрида и Ите. Элье было тогда лет 18. До войны он пытался поступить в университет, но его не приняли, потому что он был сыном раввина. Дядя Хайм-Лейб звал нас в Самарканд. С большим трудом мы с отцом и дедом Йехудой смогли туда приехать в конце 1942 года. Мы прожили в Самарканде больше года и прожили неплохо.

В Самарканде в то время было много польских евреев, бежавших от войны. Они смогли создать там какие-то мелкие производства, какие-то кооперативы. В одном из таких кооперативов, который производил ткани из хлопка, работала наша семья. У нас в комнате, которую мы снимали у узбека, стоял ткацкий станок. Утром я ходил в школу, где преподавали на русском языке, но узбекский тоже учили. А вечером я ткал на станке ткани. Половину продукции забирал кооператив, половина шла на «черный» рынок. Мы неплохо зарабатывали. Однажды к нам пришла милиция. Ткани, предназначенные для рынка, были спрятаны под полом. Сверху лежал ковер, а я лежал на этом ковре. Я очень испугался и сильно дрожал. Милиционер посмотрел на меня и спросил: «Что с мальчиком?» Отец сказал, что я болен малярией. Милиционеры не стали меня беспокоить и ушли. После этого мы боялись продавать ткани на рынке.

Когда Таллинн освободили от фашистов, мы с отцом засобирались домой в Эстонию. Дядя Хайм-Лейб уговаривал нас остаться. Он был очень мудрым. Он говорил: «Сталинская власть не от Бога, а от Дьявола. Она долго не продержится. А мы все равно будем в Израиле.» Его слова сбылись. После войны польские подданные получили разрешение вернуться в Польшу. Хайм-Лейб с сыном и дочерьми по фиктивным документам смогли уехать с ними. Из Польши они быстро перебрались во Францию. Там обе дочери вышли замуж за евреев-ортодоксов и уехали в США. Они и теперь живут там в г. Кливленде. У Фриды муж - раввин, ее фамилия теперь Штерн, у нее 8 детей, много внуков. Фамилия Иты - Хильдесхайм, она вырастила 10 детей, рано овдовела. Все ее дети очень религиозные. У Иты 32 внука. В 1999 году я был у нее в гостях на свадьбе одной из внучек. Это была настоящая еврейская свадьба, многолюдная, очень веселая.

А сам дядя Хайм-Лейб с сыном Эльей уехали в Израиль. Дядя в 1952 году умер, а Элья и сейчас живет в Израиле. Ему уже более 80 лет. У него 5 детей и много внуков. А мы с отцом в 1944 году вернулись в Эстонию. Сначала все, прибывшие из эвакуации должны были пройти карантин. Поэтому нас прямо с поезда привезли в бараки, которые были огорожены колючей проволокой. Это было под Кивиыли. В 130 км от Таллинна. Мы там жили около месяца. Нас кормили, выдали одежду из американской помощи. Потом мы могли ехать дальше. Через много лет я узнал, что место, где мы проходили карантин, во время войны было фашистским концлагерем, где погибли тысячи советских военнопленных и европейских евреев. В Валге нас встретила Зельма, она очень нам обрадовалась, она даже сохранила кое-какие наши вещи ... Нам надо было начинать новую жизнь и мы уехали в Таллинн, где сестра Ите нашла нам какое-то жилье.

Моя сестра Ите в первые послевоенные годы стояла у истоков эстонской советской прессы. Она входила в редакции многих эстонских газет и журналов, была ведущим журналистом одной из центральных эстонских газет «Noorte Nääl» (Голос молодежи). Много работая, она успела закончить заочно факультет эстонской филологии в Тартуском университете. В эти же послевоенные годы она вышла замуж за начинающего писателя Юхана Смуула. Это был эстонец с небольшого острова Муху, из простой рыбацкой семьи. У него было начальное образование, но, несомненно, большой писательский талант. Ите была первым редактором его произведений, первым помощником и критиком. Его произведения имели успех, вскоре он стал самым известным писателем в Эстонии, секретарем Союза писателей Эстонии. Он получил Сталинскую премию за поэму «Сталин», Ленинскую премию за «Ледовую книгу». Слава и деньги превратили его в пьяницу и гуляку. Семья

вскоре распалась.

В начале 50-х годов в Советском Союзе развернулась крупная антисемитская компания. Сестре запретили работать журналисткой, потому что она еврейка, и, кроме того, племянница американского шпиона (дяди Иосифа). Ите стала дома заниматься переводами. Она ведь с детства хорошо знала латышский язык. С тех пор она перевела с латышского языка на эстонский не менее 30 книг, а также много пьес для театра. В 1997 году Ите пригласили в посольство Латвии в Эстонии, где в торжественной обстановке ей вручили от имени президента Латвии орден «Трех белых звезд». Есть у нее и знак отличия от эстонского президента. Это оценка ее работы по пропаганде в Эстонии латвийской литературы. Ите является членом Союза писателей Латвии.

В 80-е годы Ите активно участвовала в политической жизни Эстонии. Она была одним из организаторов Народного Фронта в Эстонии, а также контактным лицом между эстонским и латвийским Народным Фронтом. Это был ее вклад в восстановление независимости Эстонии. Сейчас возраст и состояние здоровья уже не позволяют ей работать.

Вернемся в 1944 год. Приехав в Таллинн, я полгода учился в 10-ом классе русской средней школы. Окончил я школу в 1945 году с золотой медалью и был зачислен без экзаменов на строительный факультет Таллиннского Политехнического института. Правда, медаль мне вручили потом не золотую, а серебряную. Так как своего жилья у нас не было, я жил в студенческом общежитии. Я получал стипендию, на нее можно было скромно прожить. С тех пор я всегда себя обеспечивал сам. Будучи студентом, я уже работал на стройках. Сначала рабочим, потом бригадиром. Мои друзья - студенты давали мне свои лекции, я их вечерами учил дома. Первый год я работал бригадиром у военнопленных немцев. Мы с ними строили большой судоремонтный завод. С ними было легко работать. Они были очень дисциплинированные и все время хотели мне показать, что они не антисемиты. Потом я работал с очень тяжелым контингентом, были такие трудовые батальоны. Но я выдержал. Так я учился и работал 3 года. Потом я женился и переехал из общежития в квартиру жены. Моя жена Эрика работала лаборанткой у нас в институте. Это была очень интересная женщина. Она уже была замужем, но развелась с мужем во время войны. У нее был маленький сын. Она была эстонкой. Все это очень не понравилось моему отцу. Он написал мне очень резкое письмо, в котором осуждал мою женитьбу. Сестра Ите всегда говорила, что меня отец любил больше чем ее. Но ей он простил брак с эстонцем, а меня отец так и не простил. Вообще, отец не смог утвердиться в новой жизни, не нашел себе в ней места. Он стал каким-то беспомощным. Он не женился. С работой тоже ничего не получалось. Сначала он работал в какой-то строительной организации, потом был продавцом в магазине. Везде зарабатывал мало. Он долго снимал комнату у какой-то эстонки, а последние 5-6 лет жил в семье своей сестры Ханни. Умер отец в 1963 году. Имея семью, я уже не мог одновременно учиться и работать. Я перешел в институте на заочное отделение и поступил на постоянную работу прорабом в ремонтно-строительную организацию. В 1955 году я получил диплом об окончании института и в дальнейшем работал инженером-строителем. В 1962 году меня пригласили работать в «Госстрой» - это государственный комитет, который руководил всеми строительными и проектными работами в Эстонии. Я проработал там 25 лет, поднялся от простого инженера до заместителя начальника отдела. Чтобы занимать более высокую должность, надо было вступить в коммунистическую партию. Я этого делать не хотел.

Много событий произошло за эти 25 лет. в нашей семье вырос сын моей жены Раупо. Я всегда считал его своим сыном. Родился и вырос наш общий сын Тоури. Чтобы не жить в панельном доме, я построил для своей семьи небольшой дом. Жили мы в нем

недолго, потому что, согласно плану развития города, его снесли, чтобы построить на его месте большой многоэтажный дом. А мы купили большую и удобную кооперативную квартиру. В 1991 году я ушел на пенсию.

В это время в Таллинне началось возрождение еврейской общественной жизни.

Сначала организовали Общество еврейской культуры Эстонии, а затем была создана

Еврейская община Эстонии. Я был в числе первых, кто активно участвовал в этом процессе.

В то время я уже очень интересовался еврейской историей, посвящая ее изучению все свободное время. Мне кажется, что мы, евреи, сами мало знаем свою историю и культуру. А другие народы, вообще о нас мало знают. Не в этом ли кроются корни антисемитизма? Молодежь, которая не знает о евреях ничего, очень легко поддается антисемитской пропаганде. Я поставил перед собой задачу познакомить эстонцев, которых я очень уважаю, с еврейской культурой.

В 1990-м году я организовал в Таллинне небольшое издательство «Авив», основной целью которого было издание книг известных еврейских авторов на эстонском языке. Моя сестра Ите познакомила меня с теми эстонскими интеллигентами, которые

интересуются еврейской культурой. Один из них, профессор теологии Тартуского университета Калле Касемаа прекрасно владеет ивритом и идишем. Он перевел с идиша на эстонский язык известный роман «Раб» лауреата Нобелевской премии Исаака Зингера. Это была первая книга, которая вышла в издательстве «Авив». Тираж был 10000 экземпляров, большая часть издания была сразу продана. Затем нами был издан сборник избранных рассказов лауреата Нобелевской премии Шмуэля Агнона. На эстонский язык рассказы перевели с иврита два известных эстонских ученых Уку Масинг и Калле Касемаа. Потом нашим издательством была издана очень красивая детская книжка, а также антология еврейской поэзии «Сон в Иерусалиме». Обе книги перевела с иврита Кристина Росс. Последней мы издали книгу Шолома-Алехема в переводе на эстонский язык молодой идишистки Анны Вершик. После этого издательство «Авив» перестало существовать. А я больше стал заниматься журналистикой.

Несколько лет на общественных началах я являюсь редактором эстонского варианта общинной газеты «Хашахар» («Заря»). Это небольшая газета, где я печатаю статьи не только о нашей общине, но и об еврейской истории, литературе, много пишу об Израиле. Многим эстонцам это интересно.

Меня очень беспокоит то, что в эстонской прессе в последние годы появляются статьи антисемитского содержания, появляется также антисемитская литература. В 1993 году в одном из книжных магазинов Таллинна я увидел книгу в ярко-красном переплете. На этом кровавом фоне была надпись: «Проект завоевания мира евреями». Это были печально известные «Протоколы сионских мудрецов». После моего разговора с директором магазина книгу сняли с продажи. Но этот инцидент имел продолжение. В эстонской прессе появилась заметка о том, что в свободном демократическом государстве какой-то еврей взял на себя роль цензора и запрещает продавать книги. Министр юстиции Эстонии, которому я обратился по поводу распространения этой запрещенной в Европе книги, посоветовал еврейской общине обратиться в суд. Потому что, с одной стороны, Конституция Эстонии запрещает разжигание межнациональной вражды, но, с другой стороны, есть свобода печати. Я написал несколько статей в эстонские газеты об этой книге, многие члены еврейской общины выступали об этом же по радио на русском и эстонском языках. Нас

поддержала эстонская интеллигенция. Но в суд община все-таки обратилась, потому что через два месяца уже другое издание тех же «Протоколов» появилось в г. Тарту. Издателей первой книги найти не смогли, а издатели второй книги сказали, что они издают то, что им заказывают, не читая. Только повторный суд в г. Тарту принял решение о запрете распространения «Протоколов сионских мудрецов» в Эстонии, конфисковал оставшиеся экземпляры. Долго шли дебаты, как уничтожить эти оставшиеся книги, пока два известных эстонских журналиста не написали резкую статью о том, что книги надо сжечь в Тарту на том месте, где фашисты расстреляли несколько тысяч евреев. Тираж уничтожили, но разговоры вокруг этой темы не прекращались. Тогда я написал книгу, назвав ее «Сионские мудрецы». Эту книгу я издал в 1996 году в небольшом издательстве «Эколет». Тираж был небольшой - всего тысяча экземпляров. Книга была очень быстро распродана. В ней я рассказываю об истории этих «Протоколов», почему они были написаны, где издавались, как их запрещали и так далее. Третий раздел моей книги имеет интригующее название - «Евреи - завоеватели мира». Речь здесь идет об очень известных людях, евреях, которые внесли огромный вклад в развитие общечеловеческой культуры и науки. Это философы Мозес Мендельсон, Анри Бергсон, Зигмунд Фрейд, Мартин Бубер, ученые Альберт Эйнштейн, Нильс Бор, Генрих Герц, Роберт Винер ... список можно продолжать. Отзывы о книге были, в основном, положительные. Прочитавшие книгу говорили, что у них появился интерес к еврейской истории, они узнали много нового, у них изменилось отношение к еврейству. Я понял, что нам не надо бояться говорить о себе. Меня стали приглашать читать лекции об иудаизме, о еврейской истории в учебные заведения, в общества эстонских историков. Я всегда соглашаюсь это делать. В 1999 году неожиданно для меня пришло приглашение из Стокгольма прочитать лекцию об иудаизме для эстонских эмигрантов. Лекция вызвала большой интерес, было много вопросов, потом я получил от них несколько писем.

В 1997 году я в составе группы эстонских журналистов, писателей и издателей участвовал во Всемирной книжной выставке в Израиле в Иерусалиме. Вместе со мной был мой сын Тоури. Расскажу немного о нем. Он окончил среднюю школу, затем Таллиннский педагогический институт. По профессии он музыкальный педагог, руководитель хора. В Эстонии всегда любили хоровое пение. Тоури руководил большими хоровыми коллективами. Они часто выступали в других республиках и за рубежом. Сейчас культурная жизнь в Эстонии гораздо беднее и профессия сына сейчас не востребована. Он работает в одной из таллиннских фирм, которая занимается продажей литературы. Он давно женат, имеет двоих детей. Его дочь Элина заканчивает факультет эстонской филологии Тартуского университета. Она замужем, живет с семьей в Кейла, недалеко от Таллинна. Ее муж, историк по образованию работает в Министерстве обороны Эстонии. У них растут две маленькие дочки-близнецы Лиисе и Лотте. Моего внука зовут Этто. Он окончил техникум по профессии автомеханика, работает в одной из фирм Таллинна и учится заочно в Политехническом университете.

Мой сын не рос как еврей. Он не знает идиш, его родной язык - эстонский, еще он говорит по-русски и немного по-английски. В школе его иногда дразнили евреем, потому что внешне он больше похож на еврея, чем я. Он не обижался. А сейчас он ощущает себя евреем, может быть, не полностью, но ощущает. Он мне помогает во

**Siioni targad
naskville ei kiriuta**

всех моих делах. Тоури очень понравился Израиль. Когда мы там с ним были, мы говорили о том, что если бы лет 30 назад была возможность уехать в Израиль, мы бы оба сделали это, не задумываясь. И моя жена с нами бы поехала, я уверен. А сейчас

время ушло. Жена моя умерла. Здесь в Эстонии живут мои внуки и правнуки, все мои корни здесь.

После нашей поездки в Израиль я выпустил на эстонском языке большую книгу «Святая земля Израиль». В ней я знакоблю эстонских читателей с историей этой прекрасной страны, ее прошлым и ее настоящим. Книга была выпущена тиражом в 1500 экземпляров и полностью распродана. В книге много, на мой взгляд, очень хороших иллюстраций. Это фотографии, выполненные моим сыном Тоури. Эти и некоторые другие, не вошедшие в книгу фотографии, были представлены на его персональной фотовыставке в еврейской общине Эстонии в октябре 2002 года. Выставка называлась «Земля близкая нашему сердцу». Она вызвала большой интерес у таллиннцев.

Сейчас уже готова к изданию еще одна моя книга: «Кто такие евреи и что такое Холокост». В ней я затрагиваю очень серьезные вопросы и стараюсь это делать объективно.

Несколько лет назад я организовал в нашей общине кружок идишистов. Мы собираемся несколько раз в месяц, общаемся на родном нам языке идиш, читаем книги на идиш. В нашей общинной библиотеке эти книги занимают несколько полок, но к сожалению, читать их почти некому. Члены нашего кружка - люди очень солидного возраста.

Я хочу еще раз побывать в Израиле, объехать всю страну. Бог даст, это моя мечта исполнится.